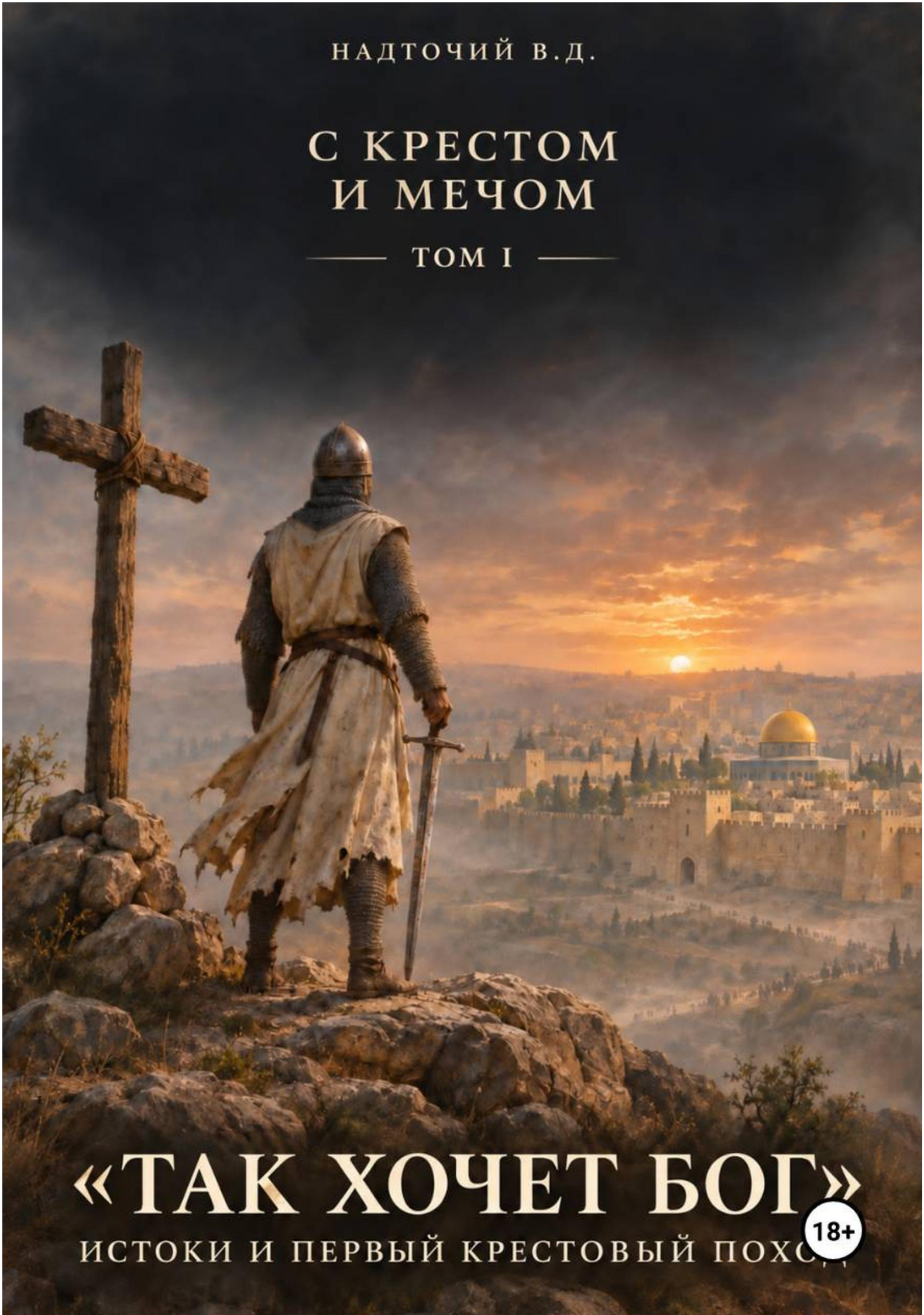
НАДТОЧИЙ В.Д.

С КРЕСТОМ И МЕЧОМ

ТОМ I

«ТАК ХОЧЕТ БОГ»

ИСТОКИ И ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

18+

Владислав Надточий

Том I. «Так хочет Бог»: истоки и Первый крестовый поход. С крестом и мечом

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Том I. «Так хочет Бог»: истоки и Первый крестовый поход. С крестом и мечом / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Они шли освобождать святыню, но ещё не знали, что дорога к Иерусалиму изменит карту мира и судьбы целых народов.Что заставило тысячи людей оставить дома и отправиться навстречу голоду, болезням и смерти? Только ли вера — или за кличем «Так хочет Бог!» скрывались жажда славы, надежда на спасение и политический расчёт?Первый том серии «С крестом и мечом» переносит читателя в XI век — эпоху распадающихся империй, воинственных князей, паломников и проповедников. Это история зарождения Первого крестового похода, его кровавого пути и взятия Иерусалима.Опираясь на средневековые хроники и современные исследования, автор отделяет факты от легенд и показывает события глазами христиан, мусульман и иудеев — без идеализации и упрощённого осуждения.Книга о вере и власти, мужестве и жестокости, великой цели и её страшной цене.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Средиземноморье около 1050 года 6
Глава 2. Священная война до крестовых походов 17
Глава 3. Сельджуки, Манцикерт и просьба Алексея I Комнина 27
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Владислав Надточий
Том I. «Так хочет Бог»: истоки и Первый крестовый поход. С крестом и мечом

Надточий В. Д.

С крестом и мечом

Том 1. «Так хочет Бог»: истоки и Первый крестовый поход

Глава 1. Средиземноморье около 1050 года

Если бы в середине XI века кто-нибудь смог взглянуть на Средиземное море с высоты, он увидел бы на его берегах три цивилизации. Каждая из них считала себя наследницей некогда единого античного мира, и каждая смотрела на двух других свысока.

На востоке, от Дуная до Армении, лежала империя, которую мы называем Византией. Сами её жители этого слова не знали. Название по имени древнего города Византий, стоявшего на месте Константинополя, пустил в оборот немецкий гуманист Иероним Вольф уже в XVI веке. Подданные империи называли себя ромеями, то есть римлянами, а своё государство считали прямым продолжением Рима Августа и Константина. Американский византинист Энтони Калделлис в книге «Romanland» (2019) убедительно показал, что это было не книжное самоназвание: ромеи и в самом деле ощущали себя одним народом с общим языком, верой и законом.

На юге и юго-востоке, от Испании до Средней Азии, простирался Дар аль-ислам, «Дом ислама». Политически он давно распался. В Багдаде и Каире правили два соперничающих халифа, а мусульманская Испания раздробилась на десятки мелких эмиратов. И всё же это было единое культурное пространство с общим языком учёности, арабским. Его города — Багдад, Каир, Кордова, Нишапур — были самыми большими и богатыми к западу от Китая. Арабские переводчики IX–X веков перевели на свой язык почти всё, что уцелело от греческой науки и философии. Историю этого переводческого движения подробно изложил Димитри Гутас в книге «Греческая мысль, арабская культура» (1998).

На северо-западе лежал латинский Запад: Франция, Германия, Италия, Англия, христианские королевства севера Испании. Из Константинополя или Каира он казался бедной и диковатой окраиной. Городов здесь было мало, монеты тоже, зато вооружённых людей хватало с избытком, и для многих из них война была ремеслом и образом жизни. Как показывает британский медиевист Крис Уикем в обзоре «Наследие Рима» (2009), к 1000 году Западная Европа ещё только начинала догонять соседей по богатству и размаху хозяйства.

Спустя полвека именно этот, самый слабый из трёх миров двинет армии за три тысячи километров и возьмёт Иерусалим. Чтобы понять, как такое оказалось возможным, придётся присмотреться к каждой из трёх цивилизаций по отдельности. В 1050 году в каждой уже были трещины, которые современники почти не замечали.

В декабре 1025 года умер император Василий II, правивший почти полвека. Потомки прозвали его Болгаробойцей за долгую и жестокую войну, которая закончилась покорением Болгарского царства. Любопытно, что при жизни так его не называли: британский историк Пол Стефенсон в книге «Легенда о Василии Болгаробойце» (2003) показал, что прозвище по-настоящему закрепилось лишь в XII веке, когда империи снова понадобился образ непобедимого государя.

Василий оставил после себя самую большую Византию со времён Юстиниана. Империи принадлежали Балканы до Дуная, вся Малая Азия, Антиохия в Сирии, часть Армении и юг Италии. Казна, по словам придворного философа и историка Михаила Пселла, была так полна, что для золота пришлось устраивать новые подземные хранилища. «Хронографию» Пселла можно читать по-русски в переводе Я. Н. Любарского (1978); это один из самых живых исторических текстов Средневековья, написанный человеком, который лично знал почти всех императоров своего века.

Сердцем империи был Константинополь. Сколько в нём жило людей, точно неизвестно. Историки называют цифры от 200 до 400 тысяч, и, как заметил ещё в 1961 году Давид Якоби, все эти оценки строятся на косвенных данных — площади города, поставках зерна, числе церквей. Для сравнения: в Париже и Лондоне тогда жило, по-видимому, не больше 20–30 тысяч человек. Город стоял на перекрёстке путей из Чёрного моря в Средиземное и из Европы в

Азию. С суши его прикрывали Феодосиевы стены V века, тройная линия укреплений, которую за семь столетий не взял ни один враг. Даже крестоносцы в 1204 году ворвутся в город не через них, а со стороны залива Золотой Рог. Русские купцы и дружинники называли Константинополь просто Царьградом; так он и записан в «Повести временных лет».

После 1025 года за фасадом этого могущества начались перемены. Детей у Василия не было, и четверть века престол переходил к мужьям и приёмным сыновьям его племянницы Зои. Пселл, который служил нескольким из них, описывает эту череду правителей с убийственной иронией. В 1056 году со смертью сестры Зои, Феодоры, Македонская династия пресеклась, и за трон всерьёз взялись две силы: чиновники столицы и военная знать провинций. Их соперничество подробно разбирает английский византинист Майкл Энголд в книге «Византийская империя, 1025–1204».

Лучше всего перемены видны на монете. Золотая номисма, которую на Западе называли безантом, семь веков сохраняла неизменный вес и пробу и ходила по всему Средиземноморью. С 1040-х годов золота в ней становилось всё меньше. К 1070-м порча стала очевидной, и в 1092 году Алексей I Комнин был вынужден ввести новую монету, иперпир. Историки Анджела Лайу и Сесиль Моррисон в книге «Византийская экономика» (2007) осторожно предупреждают, что порча монеты была скорее симптомом, чем причиной: государство просто тратило больше, чем получало.

Менялась и армия. Прежде её основу составляли фемные войска — ополчения военных округов, фем, где солдат служил за земельный надел. К середине XI века императоры всё охотнее брали со служилых людей деньги вместо службы и нанимали на эти деньги иноземцев. В столице стояла варяжская стража из скандинавов и русских, а после 1066 года в неё хлынули англосаксы, бежавшие от нормандского завоевания. Историю этого отряда подробно восстановил исландский учёный Сигфус Блёндаль в книге «Варяги Византии». В провинциях воевали норманны, печенеги и другие «франки», как ромеи называли всех западных воинов.

Наёмники были отличными бойцами, но их верность держалась на жалованье. Нормандский командир Руссель де Байоль в 1070-х годах попытался выкроить себе собственное княжество прямо посреди Анатолии; эту историю рассказывают и Анна Комнина в «Алексиаде», и её муж, историк Никифор Вриенний. Ромеи хорошо запомнили урок. Когда в 1096 году к стенам столицы подойдут крестоносцы, Алексей Комнин увидит в них не только союзников, но и тысячи потенциальных Русселей.

Чтобы представить себе, какое впечатление производил Константинополь на приезжих, лучше всего послушать тех, кто видел его впервые. Западные паломники и послы в один голос признавались, что ничего подобного у себя дома не встречали. Через сорок лет после описываемого времени Фульхерий Шартрский, проходивший через город с войском крестоносцев, напишет, что Константинополь прекрасен, искусно выстроен, полон церквей и дворцов и что пересказать его богатства невозможно: золото, серебро, шёлковые одежды и священные реликвии здесь повсюду. Фульхерий был человеком образованным и отнюдь не наивным, и всё же он не мог скрыть изумления.

Город стоял на треугольном мысу между Мраморным морем, проливом Босфор и глубокой бухтой Золотой Рог. С суши его закрывали Феодосиевы стены V века: двойная линия укреплений с рвом, почти шесть километров длиной, с девятью десятками больших башен. За семь столетий эти стены не взял ни один враг. Авары, персы, арабы и болгары подходили к ним и уходили ни с чем. Именно стены делали Константинополь не просто столицей, а последним прибежищем империи: пока стоял город, стояла и держава.

Сколько людей в нём жило, точно неизвестно. Израильский историк Давид Якоби, специально изучавший этот вопрос, оценивал население Константинополя в XI–XII веках примерно в триста–четыреста тысяч человек. Для сравнения, в Париже или Лондоне того времени жило от силы двадцать–тридцать тысяч. По улицам ходили греки, армяне, грузины, славяне, ита-

льянские купцы, варяги из императорской гвардии, арабские и еврейские торговцы. В городе была мечеть для мусульманских купцов и пленных, и арабские авторы с удовлетворением упоминали о ней.

Сердцем города был Большой дворец, целый квартал из залов, церквей, садов и террас, спускавшийся к морю. Рядом возвышалась Святая София, построенная при Юстиниане в 530-х годах. Её купол, казалось, висел в воздухе, и для современников это было почти чудом. «Повесть временных лет» передаёт рассказ послов князя Владимира, побывавших на службе в Софии в 980-х годах: «Не знали, на небе или на земле мы». Послы, конечно, говорили языком летописца, но восхищение их было вполне подлинным.

Рядом с дворцом и Софией лежал Ипподром, огромный стадион на десятки тысяч зрителей. Здесь проходили конные бега, сюда выходил император на торжества, здесь же толпа нередко решала судьбу правителей. В апреле 1042 года горожане, возмущённые тем, что император Михаил V сослал в монастырь законную наследницу престола Зою, подняли восстание, взяли дворец штурмом и ослепили низложенного императора. Пселл, бывший тогда молодым придворным секретарём, оставил об этих днях одну из самых ярких страниц «Хронографии»: он пишет, что в городе бунтовали все, даже женщины, которых прежде никто не видел на улицах.

Константинополь был и главным рынком Средиземноморья. Сюда шли шёлк и пряности с Востока, меха и воск с Руси, зерно из Фракии и Малой Азии. Ремесленники и торговцы были объединены в цехи, жизнь которых регулировал особый свод правил, «Книга эпарха», составленный ещё в начале X века. Эпарх, градоначальник столицы, следил за ценами на хлеб, качеством товаров и тем, чтобы иностранные купцы не задерживались в городе дольше трёх месяцев. Византийская золотая монета, номисма, веками ходила от Испании до Индии, и её устойчивость была предметом гордости империи. Лайу и Моррисон показали, как именно в середине XI века эта монета начала терять вес, и это стало одним из первых признаков надвигающегося кризиса.

Для дальнейших событий важнее другое. Константинополь был городом реликвий. В дворцовой церкви Богородицы Фаросской хранились, по преданию, терновый венец, гвозди от креста, частицы самого креста, плащаница. Во многих храмах покоились мощи апостолов и мучеников. Для западного человека, привыкшего считать главным богатством святыни, это было сокровище, превосходившее любое золото. Не случайно поддельное письмо Алексея Комнина, о котором речь пойдёт в третьей главе, так подробно перечисляло реликвии города: составитель хорошо знал, что именно может тронуть латинского рыцаря.

Для самих ромеев столица была центром мира в буквальном смысле. Провинциалов здесь презирали, иностранцев считали варварами, а всё, что происходило вдали от города, казалось второстепенным. Эта столичная самоуверенность, которую Александр Каждан в книге «Византийская культура» (1968) описал с большим юмором, позже дорого обойдётся империи. В Константинополе плохо понимали и тюрок, и латинян, и узнавали о них главным образом тогда, когда они уже стояли у ворот.

В субботу, 16 июля 1054 года, в собор Святой Софии вошли три папских легата. Их глава, кардинал Гумберт из Сильва-Кандиды, положил на алтарь грамоту об отлучении патриарха Михаила Керулария и его сторонников и вышел, по евангельскому слову отряхнув прах от ног своих. Через несколько дней патриарх с собором епископов ответил анафемой самим легатам. Тексты обеих грамот сохранились; их ещё в 1861 году издал немецкий учёный Корнелий Вилль.

В школьных учебниках этот день обычно называют датой разделения церквей на католическую и православную. Современники смотрели на него иначе. Папа Лев IX, пославший легатов, умер ещё 19 апреля, и уже тогда можно было спорить, действовали ли его посланцы от имени Рима. Отлучены были конкретные люди, а не церкви. Папы и императоры продол-

жали переписываться, латинские паломники молились в греческих храмах. Стивен Рансимен в классической книге «Восточная схизма» (1955) и Генри Чедвик в «Востоке и Западе» (2003) одинаково настаивают: разрыв между церквами вызревал постепенно и окончательно оформился гораздо позже.

И всё же сцена в Святой Софии обнажила глубокие расхождения. Стороны спорили прежде всего о трёх вещах.

•

О власти папы.

Рим требовал признать своё верховенство над всей церковью. Восток считал римского епископа первым по чести среди пяти патриархов, но не единоличным главой.

•

О Символе веры.

На Западе в текст, утверждённый Вселенскими соборами, добавили слово filioque — «и от Сына» — о происхождении Святого Духа. В Испании так читали ещё с VI–VII веков, в Риме вставку приняли около 1014 года. Для греков это была самовольная правка общего достояния. История этого спора подробно изложена в книге Эдварда Сечински «Филиокве» (2010).

•

Об обряде.

Латиняне служили литургию на пресном хлебе, опресноках, греки на квасном. Спор начался с послания архиепископа Льва Охридского в 1053 году. Латинские священники брили бороды и давали обет безбрачия, греческие носили бороды и могли быть женаты.

За богословием стояла политика. На юге Италии норманны захватывали византийские земли и приносили туда латинский обряд. В 1053 году Лев IX сам повёл войско против норманнов, был разбит при Чивитате и попал к ним в плен; об этом рассказывает нормандский поэт Вильгельм Апулийский в «Деяниях Роберта Гвискарда». Посольство 1054 года ехало в Константинополь в том числе договариваться о союзе против общего врага. Переговоры о союзе закончились взаимными проклятиями.

Для похода это имело прямое значение. В 1095 году Урбан II будет призывать рыцарей на помощь «братьям на Востоке», и для него это станет ещё и способом залечить рану 1054 года, разумеется, на римских условиях. Непреодолимым раскол сделает не Гумберт, а крестоносцы, которые в 1204 году разграбят Константинополь. Взаимные анафемы 1054 года были официально сняты только 7 декабря 1965 года совместной декларацией папы Павла VI и патриарха Афинагора.

К середине XI века единый халифат давно остался в прошлом. На его месте сложились три главные силы, и мусульманская община была расколота не меньше христианской.

Багдад. Суннитские халифы из династии Аббасидов правили с 750 года, но с 945 года хозяевами города были иранские эмиры из династии Буидов. Халиф оставался символом единства суннитов, однако не распоряжался ни армией, ни казной.

Каир. В 969 году фатимидские халифы, пришедшие из Северной Африки, завоевали Египет и основали Каир. Они были шиитами-исмаилитами, то есть признавали имамами потомков Исмаила, сына шестого шиитского имама Джафара ас-Садика, и вели свой род от Фатимы, дочери пророка Мухаммада. Для них багдадский халиф был узурпатором, для суннитских авторов они сами были еретиками. К середине века Фатимиды владели Египтом, Палестиной, сирийским побережьем и святыми городами Аравии. Иерусалим в эти годы принадлежал им. О Фатимидах лучше всего написали немецкий исламовед Хайнц Хальм и британец Майкл Бретт.

Испания. В 1031 году распался Кордовский халифат. На его месте возникли десятки тайф, небольших эмиратов, которые воевали друг с другом и платили дань христианским королям севера. Эта дань, пария, сделала богатыми Кастилию и бургундский монастырь Клюни,

которому кастильские короли щедро жертвовали. Ежегодный взнос Альфонсо VI в пользу Клюни, две тысячи золотых монет, был, по-видимому, самым крупным постоянным доходом монастыря; об этих связях подробно писал английский историк Герберт Каудри в книге «Клюнийцы и григорианская реформа» (1970).

И тут с востока пришла новая сила. Сельджуки были вождями тюрков-огузов, кочевников из степей к северу от Аральского моря, недавно принявших суннитский ислам. В 1040 году они разбили армию Газневидов при Данданакане и заняли Иран. В декабре 1055 года их вождь Тогрул-бек вошёл в Багдад, сверг Буидов и получил от халифа титул султана, «властителя». Об этом подробно рассказывает арабский историк XIII века Ибн аль-Асир в «Полном своде истории»; часть его хроники, посвящённую сельджукам, перевёл на английский Дональд Ричардс.

Сельджуки выдавали себя за защитников суннитского ислама от шиитов, и главным их противником был фатимидский Египет, а вовсе не Византия. Но вслед за султанами шли тысячи туркменских кочевников, которых сами султаны держали в узде с трудом. Проще всего было отправить их на окраины — в Армению и византийскую Анатолию, где можно было грабить, не трогая мусульман. Эндрю Пикок в книге «Ранняя история сельджуков» (2010) показывает, что набеги на Византию долго оставались делом кочевых вождей и лишь отчасти направлялись самими султанами.

В 1064 году султан Алп-Арслан взял Ани, столицу Армении, незадолго до того присоединённую к империи. Армянский историк Аристакес Ластивертци, чьё «Повествование» переведено на русский К. Н. Юзбашяном, оплакивает разорение своей страны как наказание за грехи. Матфей Эдесский начинает свою хронику с цепи дурных знамений. Для армян и сирийских христиан катастрофа началась за двадцать с лишним лет до Клермона, и многие из них встретят франков как избавителей. Как показал Кристофер Маккевитт в книге «Крестовые походы и христианский мир Востока» (2008), надежды эти очень скоро сменятся разочарованием.

Иерусалим середины XI века был небольшим провинциальным городом с огромным символическим весом. По христианскому преданию, здесь распяли и погребли Иисуса. Для иудеев здесь стоял Храм. Для мусульман аль-Кудс, «Святой», был местом ночного путешествия пророка Мухаммада и третьей святыней ислама после Мекки и Медины. Купол Скалы, построенный при халифе Абд аль-Малике около 691 года, и мечеть аль-Акса стояли на Храмовой горе уже три с половиной века. Архитектурную историю мусульманского Иерусалима прекрасно описал Олег Грабар в книге «Форма святого» (1996).

Христиане жили в городе своими общинами на положении зиммиев, «людей Писания». Они платили особый подушный налог, джизью, и взамен получали право исповедовать свою веру. Правила, которыми определялась их жизнь, приписывали халифу Умару, но, как показал Марк Коэн в книге «Под полумесяцем и крестом», на деле они складывались постепенно и сильно зависели от того, кто правил в данный момент. Большинство иерусалимских христиан говорили по-арабски и принадлежали к разным церквам: греческой, армянской, яковитской, коптской, грузинской. Латинян почти не было. Возле храма Гроба Господня стояли только монастырь и странноприимный дом, основанные купцами из итальянского Амальфи. Из этого дома, как рассказывает Вильгельм Тирский, позже вырастет орден госпитальеров.

Большую часть времени власти и христиане уживались спокойно, но не всегда. В 1009 году фатимидский халиф аль-Хаким, чьи непредсказуемые указы задевали и христиан, и иудеев, и мусульман-суннитов, приказал разрушить храм Гроба Господня. Сирийский христианин Яхья Антиохийский, современник событий, пишет, что рабочие пытались срыть даже скалу, в которой была высечена гробница. Храм восстанавливали несколько десятилетий на византийские деньги по договору с Фатимидами, и к 1048 году, при императоре Константине IX Мономахе, работы в основном закончились. Археолог Мартин Биддл в книге «Гробница Христа» (1999) показал, что многое в нынешней постройке восходит именно к этой реставрации.

На Западе память о 1009 годе жила долго. Французский монах Адемар Шабанский обвинил в разрушении храма евреев, будто бы подстрекавших халифа, и во Франции прокатились нападения на еврейские общины; о том же глухо упоминает бургундский хронист Рауль Глабер. Ричард Ландес, посвятивший Адемару целую книгу, видит здесь опасную связку, которая через восемьдесят с лишним лет повторится в городах Рейна.

Тем временем паломников с Запада становилось всё больше. После крещения Венгрии около 1000 года открылся сухопутный путь по Дунаю и через Балканы в Константинополь, а оттуда в Сирию. Паломничество считалось самым тяжёлым и потому самым действенным покаянием. Граф Анжуйский Фульк Нерра, прославившийся своей жестокостью, ходил в Иерусалим три или четыре раза, надеясь искупить грехи; его биографию написал американский историк Бернард Бахрах.

Самое большое паломничество до крестовых походов состоялось в 1064–1065 годах. Во главе его стояли немецкие епископы, в том числе Гунтер Бамбергский и Зигфрид Майнцский, и, по словам хрониста Ламперта Херсфельдского, за ними шли от семи до двенадцати тысяч человек. Средневековые авторы, впрочем, почти всегда преувеличивали размеры толп. Близ Рамлы паломников атаковали бедуины, и несколько дней они отбивались в заброшенной крепости, пока их не выручил фатимидский наместник. Домой, как показал Эйнар Йорансон, подробно разобравший эту историю в 1928 году, вернулась лишь часть путников. Это был ещё не крестовый поход: люди шли молиться, а не воевать. Но эпизод показал, что тысячи жителей Запада готовы идти в Иерусалим и что дорога туда опасна.

В начале 1070-х годов Иерусалим взял туркменский вождь Атсыз; источники называют то 1071-й, то 1073 год. Следующие четверть века город переходил из рук в руки, и лишь в 1098 году, за год до прихода крестоносцев, Фатимиды вернули его себе. До Запада доходили слухи о том, что паломников грабят и убивают. Насколько они были правдивы, историки спорят до сих пор, но в Клермоне Урбан II на них опирался — во всяком случае, так передают его речь Фульхерий Шартрский и Роберт Реймсский, записавшие её уже после взятия Иерусалима.

Западная Европа середины XI века выглядела бедной и раздробленной, но она росла. Набеги викингов, венгров и сарацин, терзавшие её в IX–X веках, прекратились. Климат немного потеплел. Крестьяне расчищали леса и осушали болота, по деревням расходились тяжёлый плуг и водяная мельница. Французский историк Жорж Дюби назвал эту эпоху временем «раннего роста европейской экономики», а Марк Блок в «Феодальном обществе» — началом «второго феодального века». По осторожным подсчётам Роберта Бартлетта, население Запада между 1000 и 1300 годами примерно удвоилось, хотя все цифры для этого времени очень приблизительны.

Политически Запад, напротив, дробился. Французский король реально распоряжался лишь небольшой областью вокруг Парижа и Орлеана. Герцоги Нормандии, графы Анжу, Тулузы и Фландрии были богаче и сильнее своего сюзерена. Под ними стояли сотни владельцев замков. Между 980 и 1050 годами Францию покрыли сначала деревянные, а потом каменные башни, и каждая из них стала центром маленькой самостоятельной власти. Французские историки Жан-Пьер Поли и Эрик Бурназель назвали этот перелом «феодальной мутацией».

Опорой новой власти были рыцари, тяжеловооружённые конные воины. Конь, кольчуга, шлем и меч стоили целое состояние, и окупить их можно было только войной. На деле это часто означало усобицы, грабёж крестьян и захват церковных земель. Церковь ответила движением Божьего мира: на соборах под открытым небом, перед привезёнными из монастырей мощами, рыцарей заставляли клясться не трогать безоружных. Об этом движении речь пойдёт в следующей главе.

Самыми предприимчивыми воинами Запада были норманны, потомки викингов, осевших на севере Франции. С 1010-х годов младшие сыновья нормандских рыцарей уходили на юг Италии наёмниками и вскоре стали там хозяевами. Семья Отвиль дала двух выдающихся

завоевателей: Роберта Гвискарда, который к 1071 году вытеснил византийцев из Италии, и его брата Рожера, с 1061 года отвоёвывавшего у мусульман Сицилию. Их подвиги воспел монах Гауфред Малатерра, а для русского читателя эту историю увлекательно пересказал Джон Джулиус Норвич в книге «Нормандцы в Сицилии», которую можно прочитать и по-русски. В 1066 году другой норманн, герцог Вильгельм, завоевал Англию, и, как сообщает его капеллан Вильгельм из Пуатье, папа Александр II прислал ему освящённое знамя. Сын Роберта Гвискарда Боэмунд станет одним из главных вождей Первого крестового похода.

Запад начинал наступать и в других местах. Пизанцы и генуэзцы вытеснили мусульман с Сардинии и стали ходить в набеги на побережье Африки; в 1087 году их флот разграбил тунисский город Махдию. Каудри, посвятивший этому походу специальную статью, обратил внимание, что пизанский поэт, воспевший победу, уже говорит о ней языком священной войны. В Испании христианские королевства севера пользовались распадом халифата, и в 1085 году Альфонсо VI Кастильский вошёл в Толедо.

Менялась и сама церковь. Реформа, начатая в Клюни и других монастырях, с 1040-х годов дошла до Рима. Папы-реформаторы, и прежде всего Григорий VII, стремились освободить церковь от власти мирян и поставить папу выше королей. Григорий призывал рыцарей стать «воинством святого Петра», а в 1074 году, как видно из его писем, даже собирался сам повести войско на помощь Византии. Из этого ничего не вышло, но немецкий историк Карл Эрдман, автор классической книги «Происхождение идеи крестового похода» (1935), именно в этом неосуществлённом плане увидел прямого предшественника Клермона.

Если Иерусалим был святыней, к которой стремились паломники, то настоящими местами встречи трёх цивилизаций были западные окраины Средиземноморья: Пиренейский полуостров и Сицилия. Здесь христиане и мусульмане жили бок о бок веками, воевали, торговали, заключали союзы и браки, и здесь же раньше всего сложились те отношения, которые позже перенесут на Восток.

Мусульмане пришли в Испанию в 711 году и за несколько лет завоевали почти весь полуостров. Христианам остались лишь горные области на севере, откуда медленно начиналось то, что позже назовут Реконкистой, «отвоеванием». В X веке Кордовский халифат при Абд ар-Рахмане III и его преемниках был, вероятно, самым богатым и просвещённым государством Западной Европы. В Кордове были сотни мечетей и бань, огромная библиотека, мощёные и освещённые улицы. Христиане и иудеи жили здесь как зиммии, платили подушную подать и пользовались защитой. Иудейский учёный и врач Хасдай ибн Шапрут был одним из самых влиятельных людей при дворе халифа.

В начале XI века Кордовский халифат распался. На его месте возникли два с лишним десятка мелких княжеств, которые по-арабски называли тайфами, то есть «партиями» или «группировками». Севилья, Толедо, Сарагоса, Бадахос, Гранада и другие города стали столицами самостоятельных правителей. Тайфы соперничали между собой в роскоши и покровительстве поэтам, но были слабы военно. Этим и воспользовались христианские короли севера. Они стали требовать с тайф ежегодную дань, парию, а взамен обещали не нападать или даже помогать против соседей. Золото мусульманской Испании потекло в Кастилию, Леон и Наварру, а оттуда, через пожертвования, в Клюни. Король Фердинанд I Кастильский и его сын Альфонсо VI отправляли в Клюни огромные ежегодные взносы, и именно на эти деньги, как показал Каудри, во многом строилась знаменитая большая церковь аббатства.

Отношения на этой границе были куда сложнее, чем простая вражда двух вер. Лучше всего это видно по судьбе Родриго Диаса де Вивара, которого арабы прозвали Сидом, «господином». Этот кастильский рыцарь, герой позднейшей эпической поэмы, несколько лет служил мусульманскому правителю Сарагосы и воевал за него против христиан, а в 1094 году сам захватил Валенсию и правил ею как независимый государь. Ричард Флетчер в книге «В поис-

ках Сида» (1989) показал, что реальный Сид был прежде всего удачливым военным предпринимателем, для которого вера противника имела меньшее значение, чем жалованье и добыча.

Перелом произошёл в 1085 году. Альфонсо VI взял Толедо, древнюю столицу вестготских королей и один из крупнейших городов полуострова. Испуганные правители тайф позвали на помощь из Северной Африки Альморавидов, суровое берберское движение, проповедовавшее строгий ислам. В 1086 году Альморавиды разбили Альфонсо при Саграхасе, а затем подчинили себе и сами тайфы. Граница снова стала фронтом, а война на ней приобрела религиозную окраску с обеих сторон. Папы уже с 1060-х годов обещали отпущение грехов тем, кто воюет в Испании. Через десять лет Урбан II прямо запретит каталонским рыцарям уходить на Восток: их Иерусалим, скажет он, здесь, в Таррагоне.

Сицилия прошла похожий путь. С IX века остров принадлежал мусульманам, и Палермо стал одним из блестящих городов исламского мира. Арабский путешественник Ибн Хаукаль, побывавший там в 970-х годах, насчитал в городе около трёхсот мечетей. Сюда пришли новые культуры, хлопок, цитрусовые, сахарный тростник, а оросительные системы, построенные мусульманами, служили острову ещё много веков. В середине XI века мусульманская Сицилия, как и Испания, раздробилась на враждующие владения, и один из эмиров сам позвал на помощь норманнов из Южной Италии.

Нормандское завоевание острова началось в 1061 году. Для нашей темы важнее другое. Завоеватели, Роберт Гвискард и его младший брат Рожер, не стали изгонять мусульман. Рожер набирал их в своё войско, оставил им мечети и судей, а в его канцелярии грамоты составлялись на латыни, греческом и арабском. Норвич рисует это королевство едва ли не самым терпимым государством Европы своего времени. Картина, пожалуй, слишком красивая, и современные историки, например Алекс Меткалф, напоминают, что положение мусульман на острове со временем ухудшалось. Но в XI веке Сицилия действительно показала, что латиняне способны управлять иноверцами, не истребляя их.

Испания и Сицилия дали западному рыцарству опыт, который пригодится на Востоке. Здесь рыцари научились воевать с мусульманами и договариваться с ними, получать дань и делить добычу, служить иноверным правителям и подчинять их себе. Здесь же Запад впервые получил доступ к арабской учёности: именно через Толедо и Палермо в XII веке в Европу пойдут переводы Аристотеля, Птолемея и Авиценны. Но и в другом смысле эти окраины оказались важны. Они приучили папство к мысли, что войну с мусульманами можно считать благочестивым делом, а землю, когда-то принадлежавшую христианам, их законным наследством. Эта мысль, перенесённая на Иерусалим, станет одной из опор крестового похода.

Для русского читателя естественно спросить, где в этой картине место Руси. Формально она не принадлежала ни одному из трёх миров, о которых шла речь, но была тесно связана с каждым. Крестившись при князе Владимире около 988 года, Русь вошла в круг восточного христианства, получила из Константинополя митрополитов, богослужебные книги и образцы для храмов. Киевская София, заложенная, по летописи, в 1037 году при Ярославе Мудром, самим своим посвящением напоминала о константинопольской святыне.

Связи с Византией были не только церковными. Русские купцы каждое лето спускались по Днепру к Чёрному морю и шли в Константинополь, где для них отводилось особое подворье у монастыря святого Маманта. Договоры X века, сохранённые «Повестью временных лет», подробно расписывают, сколько хлеба, вина и мяса полагалось русским гостям и как долго они могли оставаться в городе. Русские и скандинавские воины служили императорам; о варяжской страже уже шла речь выше. Самый знаменитый из этих наёмников, норвежец Харальд Сигурдарсон, прослуживший в Константинополе около десяти лет, затем женился на дочери Ярослава Мудрого Елизавете и стал королём Норвегии. Он погиб в 1066 году в Англии, за три недели до битвы при Гастингсе, и его жизнь сама по себе показывает, насколько тесен был тогда мир от Новгорода до Сицилии.

С латинским Западом Русь связывали династические браки. Дочери Ярослава вышли замуж за королей Норвегии, Венгрии и Франции. Анна Ярославна в 1051 году стала женой французского короля Генриха I и матерью Филиппа I, того самого, которого Урбан II отлучит в Клермоне. Внучка Ярослава Евпраксия, во втором браке Адельгейда, стала женой германского императора Генриха IV, бежала от него и в 1095 году выступила на соборе в Пьяченце с обвинениями против мужа. Об этом рассказывает тот же Бернольд Констанцский, который сообщает о византийском посольстве на этом соборе. Так что и в самый канун крестового похода русская княжна оказалась в центре западной церковной политики.

Раскол 1054 года на Руси поначалу почти не ощущался. Браки с католическими дворами заключались и после него, а полемические сочинения против латинян, переводившиеся с греческого, долго оставались делом узкого круга книжников. Историк Андрей Назаренко в книге «Древняя Русь на международных путях» (2001) собрал множество свидетельств того, как свободно Русь XI века общалась и с Востоком, и с Западом.

С исламским миром Русь соприкасалась через Волжскую Булгарию, принявшую ислам ещё в X веке, и через степь. Арабские серебряные дирхемы в IX–X веках были главной монетой Восточной Европы, и их клады находят от Волги до Балтики. А южные степи, отделявшие Русь от Византии, в XI веке переходили из рук в руки: печенегов сменили торки, затем половцы, впервые упомянутые летописью под 1055 годом. Те самые половцы, которые в 1091 году помогут Алексею Комнину разгромить печенегов, в те же годы будут жечь русские сёла. Так степь связывала судьбу Киева с судьбой Константинополя, и события, о которых пойдёт речь в третьей главе, отзывались на Руси самым прямым образом.

Об идее крестового похода на Руси узнали довольно рано. Игумен Даниил, совершивший паломничество в Иерусалим в первые годы XII века, уже при короле Балдуине I, оставил подробное «Хожение», один из самых ранних русских путеводителей по Святой земле. Он с уважением пишет о «князе Балдуине» и ставит в храме Гроба Господня лампаду «от всей Русской земли». Но собственных крестоносцев Русь не выставила. Её главные войны шли со степью, а церковь, следовавшая за Константинополем, не знала учения о войне как покаянии.

Три цивилизации не жили за глухими стенами. Купцы из Амальфи и Венеции торговали в Константинополе и Александрии, а Венеция даже формально считалась византийским владением. Еврейские торговцы, чьи письма сохранились в каирской генизе — хранилище старых рукописей при синагоге в Фустате, — вели дела от Испании до Индии; эти документы много лет изучал Шломо Дов Гойтейн. По тем же дорогам ходили паломники, наёмники и послы.

Но знали друг о друге они неодинаково. Византийцы хорошо знали исламский мир: они четыре века воевали с арабами, обменивались посольствами и пленными, а в Константинополе была даже мечеть для мусульманских купцов. Западных латинян в империи считали грубыми и алчными варварами, хорошими в бою и ненадёжными во всём остальном. Анна Комнина в «Алексиаде» не раз пишет о жадности и непостоянстве «кельтов», как она их называет.

Мусульманские авторы знали Византию под именем Рум, то есть Рим, и видели в ней главного и достойного противника. Ливанская исследовательница Надя Мария эль-Шейх в книге «Византия глазами арабов» (2004) показала, с каким смешанным чувством уважения и вражды они о ней писали. О латинском Западе в исламском мире знали мало и всех его жителей называли франками, аль-ифрандж. Арабский географ X века аль-Масуди считал северян людьми тяжёлого ума, которому повредил холодный климат; этот и многие другие отзывы собрал Бернард Льюис в книге «Мусульманское открытие Европы». Когда в 1097 году крестоносцы появятся в Сирии, многие местные правители примут их за очередных византийских наёмников. Эта ошибка дорого им обойдётся; мусульманский взгляд на события хорошо показан в книге Кэрол Хилленбранд «Крестовые походы: исламские перспективы» (1999).

Хуже всего соседей знал Запад. Большинство рыцарей никогда не видели ни грека, ни мусульманина. О Востоке они слышали от паломников, из житий святых и из Библии, а о

мусульманах ходили самые фантастические представления; их историю проследил Джон Толан в книге «Сарацины» (2002). Иерусалим был для западного человека прежде всего городом Евангелия, а не точкой на карте, и именно поэтому призыв освободить его так сильно подействовал на воображение.

Такой была картина около 1050 года. Богатая, но слабеющая империя. Расколотый исламский мир, в который входят тюрки. Бедный и раздробленный, но растущий и воинственный Запад. Оставалось понять, как церковь, веками осуждавшая кровопролитие, пришла к мысли о священной войне.

Карта середины XI века обманчиво похожа на карту более поздних эпох. На ней можно найти Францию, Англию, Германию, Византию, Египет и Сирию, однако за знакомыми названиями стояли иные формы власти. Король не располагал постоянным аппаратом чиновников и не мог одним приказом поднять всю страну. Император владел огромной столицей и древней бюрократией, но его распоряжение слабело по мере удаления от Константинополя. Халиф сохранял высший религиозный титул, хотя реальную силу держали военные правители. Поэтому война редко начиналась решением одного государства и почти никогда не завершалась подписанием общего мира. В ней участвовали династии, города, племена, монастыри, купеческие общины и наёмные дружины. Именно в такой мир войдут участники похода: они будут договариваться не с безликими странами, а с десятками властителей, каждый из которых преследовал собственную цель.

Большинство людей жило в деревнях и почти не покидало окрестностей родного прихода. Дорога в соседний город уже требовала времени и денег, путешествие через море казалось делом исключительным, а путь в Иерусалим измерялся не только расстоянием, но и числом границ, пошлин и опасных перевалов. Вместе с тем Средиземноморье не было замкнутым набором изолированных областей. Моряки из Амальфи торговали в Константинополе и Египте, еврейские купцы поддерживали связи между портами, армянские семьи переселялись из областей, занятых тюрками, а варяжские воины поступали на службу к императору. Известия двигались медленно, часто искажались, но всё же доходили очень далеко. Рассказ о разграбленном храме или притеснённом паломнике мог пройти сотни миль, обрасти подробностями и превратиться в проповедь, способную поднять людей, никогда не видевших Востока.

Город был редкостью и потому производил особенно сильное впечатление. В западной Европе многие поселения, называвшиеся городами, насчитывали лишь несколько тысяч жителей. Константинополь, Каир и Багдад представлялись рядом с ними почти необъятными. Здесь существовали рынки отдельных ремёсел, большие общественные здания, водопроводы, больницы, склады и пристани, способные принимать корабли из разных стран. Горожанин привыкал к незнакомым языкам и одежде, тогда как сельский рыцарь нередко впервые видел иноземца уже в походе. Из этого различия рождалось множество взаимных ошибок. Западный воин принимал сложный придворный ритуал за коварство, византийский чиновник видел в прямоте рыцаря грубость, а житель сирийского города не сразу понимал, кто именно пришёл с запада: наёмники императора, очередная группа паломников или новая сила, намеренная остаться.

Религиозная принадлежность тоже не образовывала простых и устойчивых лагерей. Христиане спорили о власти папы, богословских формулах и церковных обычаях; мусульманский мир был разделён между суннитскими и шиитскими династиями; восточные христианские общины отличались от греков и друг от друга. Эти различия могли становиться причиной преследований, но могли и отступать перед политической выгодой. Православный император нанимал латинских воинов, мусульманский правитель заключал союз с христианским соседом против другого мусульманина, армянский князь искал покровительства и у Византии, и у тюркского эмира. Позднейшая память часто выстраивала прошлое как прямое столкновение двух вер. Для современника картина была запутаннее: вера определяла язык клятв и представ-

ление о справедливости, но выбор союзника зависел также от родства, торговли, старых обид и непосредственной опасности.

Даже время люди ощущали иначе. Год отсчитывался праздниками и постами, сельскими работами, сроками выплаты ренты и днями местных святых. Точная дата события могла потеряться уже через поколение, зато место в церковном календаре запоминалось прочно: битва произошла в канун определённого праздника, посольство прибыло во время поста, город пал в пятницу. Хронисты связывали бедствия с грехами, победы с Божьей милостью, затмения и кометы с грядущими потрясениями. Это не означало отсутствия практического расчёта. Те же люди внимательно считали мешки зерна, стоимость коня и дни перехода. В их сознании небесное объяснение соседствовало с повседневной предусмотрительностью. Без понимания этого соседства трудно объяснить, почему религиозный обет мог привести к продаже земли и к столь точной подготовке многолетнего путешествия.

Глава 2. Священная война до крестовых походов

«Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» — эти слова, сказанные, по Евангелию от Матфея, апостолу Петру в Гефсиманском саду, знал каждый средневековый священник. Первые христиане относились к военной службе с большим сомнением. Тертуллиан в трактате «О венке воина» и Ориген в сочинении «Против Цельса» писали, что ученику Христа не пристало проливать кровь. Правда, как показали Джон Хельгеланд и его соавторы в книге «Христиане и армия» (1985), христиане служили в римских легионах уже во II веке, и голос богословов не всегда совпадал с жизнью общин.

И всё же в 1095 году римский папа призвал тысячи людей взяться за оружие и пообещал, что эта война очистит их от грехов. Как церковь пришла от Гефсиманского сада к Клермону?

Одного переломного момента здесь не было. Джонатан Райли-Смит в книге «Первый крестовый поход и идея крестового похода» (1986) и Жан Флори в исследовании «Священная война» (2001) показывают, что идея крестового похода сплелась из нескольких нитей, которые долго тянулись порознь. Это учение о справедливой войне, практика покаяния и паломничества, попытки церкви укротить рыцарей, почитание святых воинов и, наконец, притязания реформированного папства на роль вождя христианского мира. В Клермоне Урбан II связал их в один узел. Попробуем проследить каждую нить.

Поворот начался, когда христианство стало религией империи. По рассказу Евсевия Кесарийского, биографа императора Константина, перед битвой у Мильвиева моста в 312 году Константин увидел в небе знамение креста и надпись «Сим победишь». Другой современник, Лактанций, излагает дело иначе: император получил указание во сне и велел нанести христианский знак на щиты воинов. Так или иначе, крест оказался на щитах римских солдат, и церкви пришлось объяснять, как христианин может служить государству, которое воюет.

Самый влиятельный ответ дал Августин, епископ африканского города Гиппон (354–430). Отдельного трактата о войне он не написал; его мысли рассыпаны по письмам, полемическим сочинениям и книге «О граде Божием». Средневековые юристы — сначала болонский монах Грациан в «Декрете» около 1140 года, потом Фома Аквинский — свели их в три условия справедливой войны:

Законная власть. Войну объявляет государь, а не частное лицо.

Справедливая причина. Война нужна, чтобы вернуть отнятое или наказать за обиду.

Правильное намерение. Воюют ради мира, а не из мести, жадности или властолюбия.

Августин войну не восхвалял. Для него она была печальной необходимостью падшего мира, чем-то вроде хирургической операции. Подлинное зло войны, писал он в сочинении «Против Фавста», не в смерти, которая всё равно ждёт каждого, а в жестокости, жажде вредить и стремлении властвовать. Но у Августина была и другая мысль, которая со временем стала опасной. Споря с донатистами, раскольниками из североафриканской церкви, он оправдал принуждение несогласных силой власти и сослался на евангельские слова «убеди прийти» (compelle intrare). Средневековые канонисты будут цитировать эти места, оправдывая войну в защиту церкви. Подробно эту историю проследил Фредерик Рассел в книге «Справедливая война в Средние века» (1975).

Справедливая война Августина ещё не была священной. Она была допустимой, но не спасительной: воин не становился от неё святым и не очищался от грехов. Путь от допустимой войны к войне как духовному подвигу Запад проделает только через семь столетий.

Византия этот путь так и не прошла. Святитель Василий Великий в IV веке советовал воинам, убившим врага на войне, три года не приступать к причастию, потому что их руки «нечисты»; сам он, впрочем, называл это советом, а не строгим запретом. Правило вошло в церковный канон. В 960-х годах император Никифор II Фока, прославленный полководец,

попросил признать павших в боях с мусульманами мучениками. Патриарх Полиевкт и епископы отказали ему, сославшись как раз на правило Василия; об этом рассказывает историк Иоанн Скилица. Тиа Колбаба в статье «Сражаясь за христианство» (1998) показывает, что этот отказ точно выражал византийское отношение к войне.

Византийцы воевали не меньше западных соседей, молились перед битвой и несли перед войском иконы. Но война оставалась для них делом государства, а не путём к спасению души. Неудивительно, что Анна Комнина с изумлением писала о латинских священниках, которые сами бьются с оружием в руках.

Чтобы понять, почему обещание Урбана так подействовало на рыцарей, нужно знать, как средневековая церковь обходилась с грехом. Христианин, совершивший тяжкий грех, исповедовался и исполнял покаяние: постился, молился, раздавал милостыню, на время отлучался от причастия. Сроки и формы покаяния расписывались в особых справочниках для исповедников, пенитенциалиях, которые с VI века распространились из Ирландии по всему Западу. Как жил и чего боялся простой человек, которому эти книги были адресованы, прекрасно показал А. Я. Гуревич в книге «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» (1990).

Убийство на войне пенитенциалии считали грехом, хотя и не таким тяжким, как убийство в мирное время. Пенитенциалий, приписанный архиепископу Кентерберийскому Феодору (VII век), назначал тому, кто убил по приказу своего господина, сорок дней не входить в церковь. Эти тексты собраны в английском переводе Джона Макнила и Хелены Геймер «Средневековые руководства по покаянию» (1938).

Особенно выразителен документ, составленный после битвы при Гастингсе. Около 1067 года папский легат, епископ Сьона Эрменфрид, наложил покаяние на воинов Вильгельма Завоевателя. За каждого убитого в битве полагался год покаяния, за каждого раненого — сорок дней. Кто не помнил, скольких убил, должен был до конца жизни поститься раз в неделю или построить церковь. Герберт Каудри, разобравший этот текст в специальной статье (1969), подчёркивает парадокс: ведь сам поход Вильгельма папа благословил.

Положение рыцаря было незавидным. Война была его ремеслом и основой его места в обществе, но каждый поход прибавлял к его счёту новые грехи. Страх ада был для людей XI века совершенно реальным. Маркус Булл, изучивший тысячи дарственных грамот из Лимузена и Гаскони, в книге «Рыцарское благочестие» (1993) показал, насколько этот страх определял поступки самых суровых воинов. Выполнить полное покаяние за жизнь, проведённую в седле, было почти невозможно.

Надёжных выходов было два. Можно было уйти в монастырь; многие сеньоры принимали постриг на смертном одре. Можно было щедро дарить монахам землю, чтобы те молились за душу дарителя. Архивы Клюни, как показала Барбара Розенвейн в книге «Быть соседом святого Петра» (1989), полны таких грамот, составленных «ради спасения моей души». Третий путь, паломничество, мы уже видели в предыдущей главе.

На этом фоне клермонское решение звучало как откровение. Второй канон собора гласил: кто отправится в Иерусалим освобождать церковь ради благочестия, а не ради славы или денег, тому этот путь зачтётся вместо всякого покаяния. Рыцарю больше не нужно было бросать оружие, чтобы спасти душу. Само оружие, поднятое в нужном месте и ради нужной цели, становилось покаянием.

Мы уже не раз говорили о рыцарях, и пора объяснить, кем были эти люди в XI веке. Слово «рыцарь» происходит от немецкого Ritter, «всадник», а латинские тексты называют их milites, «воинами». Ещё в X веке это слово не означало ни знатности, ни особого благородства. Miles был просто профессиональным конным воином, который служил сеньору, жил при его замке или получал от него землю и за это сражался по первому зову.

Конный воин стоил дорого. Боевой конь, специально выезженный для атаки, стоил, по подсчётам историков, как несколько десятков голов крупного скота. К коню нужны были коль-

чуга до колен, шлем с наносником, большой каплевидный щит, копьё и меч. Так выглядят воины на знаменитом ковре из Байё, вышитом вскоре после 1066 года, и так же, вероятно, выглядели участники Первого крестового похода. Кроме того, рыцарь должен был с детства учиться верховой езде и владению оружием, а значит, освобождаться от работы на земле. Всё это могли позволить себе немногие. Жорж Дюби, изучавший рыцарство Маконне в Бургундии, показал, что рыцари составляли в этой области узкий круг семей, резко отделённый от крестьян.

Главным новшеством эпохи был замок. До середины X века укрепления строили в основном короли и графы. Затем по всей Франции начали расти частные замки: деревянные башни на насыпных холмах, мотты, окружённые рвом и частоколом. Владелец такого замка, кастелян, с горсткой рыцарей держал в подчинении окрестные деревни, вершил суд, собирал поборы и воевал с соседями. Именно эта перемена, которую, как говорилось в первой главе, называют «феодальной мутацией», породила ту волну насилия, против которой поднялось движение Божьего мира. Спор о том, насколько резкой и внезапной была эта перемена, идёт до сих пор, но сама картина замков и мелких войн сомнений не вызывает.

Рыцарская война редко была похожа на большие сражения из учебников. Чаще всего это были набеги: отряд врывался во владения соседа, жёг деревни, угонял скот, захватывал пленных ради выкупа. Главными жертвами становились крестьяне и монастыри, которым некуда было деться. Неудивительно, что церковные авторы того времени описывают рыцарей самыми мрачными красками. Епископ Адальберон Ланский около 1030 года делил общество на три сословия: тех, кто молится, тех, кто воюет, и тех, кто трудится. Идея была стройной, но за ней стоял вопрос, который мучил церковь целый век: как заставить «тех, кто воюет» служить остальным, а не грабить их?

Церковь отвечала на этот вопрос по-разному. С одной стороны, она обличала и отлучала. С другой, предлагала рыцарю новый образ самого себя. Жан Флори в книге «Подъём рыцарства» (1986) показал, как в XI веке в церковных текстах складывается идеал воина, который защищает церковь, вдов и сирот и обращает меч против врагов веры. Этот идеал проникал и в обряды. Новопосвящённому воину вручали меч, благословлённый на алтаре, и молитвы, которые при этом читались, напоминали ему о его обязанностях.

К концу XI века рыцари были самой воинственной, самой беспокойной и, в каком-то смысле, самой неуверенной в своём спасении частью западного общества. Они жили войной и боялись за свою душу. Им нужны были и добыча, и прощение. Именно к ним, а не к королям и не к крестьянам, обращался Урбан II в Клермоне, и именно потому его призыв попал в цель.

Как выглядел рыцарь, ушедший в 1096 году на Восток? Лучше всего его можно представить по ковру из Байё, вышитому вскоре после нормандского завоевания Англии, и по немногим сохранившимся предметам. Это не сверкающий латник из позднейших романов. Сплошные стальные доспехи появятся только в XIV–XV веках. Воин конца XI века был одет в кольчугу.

Кольчуга, по-латыни lorica, а по-старофранцузски haubert, состояла из тысяч мелких железных колец, каждое из которых продевалось в четыре соседних и заклёпывалось. Изготовить её было долгой и кропотливой работой. Кольчуга того времени доходила до колен, спереди и сзади имела разрезы, чтобы удобно сидеть в седле, и весила, по оценкам, десять-пятнадцать килограммов. Часто к ней крепился кольчужный капюшон, закрывавший голову и шею. Под кольчугу надевали стёганую одежду, смягчавшую удары, хотя насколько это было распространено в XI веке, историки спорят. Кольчуга хорошо защищала от рубящего удара и от стрелы на излёте, но не спасала от сильного укола копьём или от стрелы, пущенной в упор.

На голове рыцарь носил конический шлем, нередко с наносником, металлической пластиной, прикрывавшей нос и середину лица. Наносник хорошо виден на ковре из Байё. Из-за него и капюшона воины в бою плохо узнавали друг друга, и, возможно, именно поэтому так

быстро распространились гербы, знаки на щитах. Впрочем, в 1096 году настоящих гербов ещё не было, они появятся лишь в XII веке.

Щит был длинным, миндалевидным, закруглённым сверху и заострённым снизу. Он прикрывал всадника от плеча до колена и ногу со стороны противника. Делали его из дерева, обтягивали кожей и часто расписывали. Главным оружием конного боя было копьё из ясеня длиной около трёх метров с железным наконечником, а на случай рукопашной у пояса висел прямой обоюдоострый меч, длиной около метра. Мечи ценились очень высоко, их передавали по наследству и давали им имена, как Роланд своему Дюрандалю. Многие воины носили также булаву или боевой топор.

Но главным и самым дорогим «оружием» был конь. Боевой конь, приученный к шуму и крови, стоил целое состояние. Рыцарь не ездил на нём в походе, а берёг для боя. В дороге он ехал на верховой лошади, а поклажу вёз на вьючной. Значит, у одного рыцаря должно было быть не меньше трёх лошадей и хотя бы один-два слуги, оруженосец, ухаживавший за конями и оружием, и конюх. В походе на Восток гибель коней станет одной из главных бед. Под Антиохией многие рыцари шли в бой пешими или верхом на мулах и ослах.

Рядом с рыцарями сражалась пехота. Пешие воины были вооружены копьями, луками, а также арбалетами, которые в конце XI века ещё казались новшеством. Анна Комнина, впервые увидевшая арбалет у крестоносцев, описывает его с изумлением, как «варварское» оружие, неизвестное грекам, и подробно объясняет, как оно устроено. Пехота была дешевле и многочисленнее рыцарей, и в походе её роль окажется гораздо важнее, чем можно было бы ожидать по рыцарским хроникам.

Для жаркого климата Сирии это снаряжение было тяжёлым испытанием. Железо под солнцем раскалялось, люди страдали от жажды и солнечных ударов. Хронисты почти не говорят об этом, считая само собой разумеющимся, но в описаниях анатолийского перехода, о котором пойдёт речь в седьмой главе, легко угадать, как тяжело было идти в кольчуге по безводному плато в июле.

В конце X века на юге Франции королевская власть почти исчезла, и владельцев замков некому было обуздать. Тогда за дело взялись епископы. Около 975 года в Ле-Пюи и в 989 году в Шарру, в Пуату, они собрали сеньоров и простой народ на соборы под открытым небом; собор в Шарру считается первым, от которого сохранились постановления. Из окрестных монастырей туда приносили раки с мощами, и на этих мощах рыцари клялись не грабить церкви, не трогать безоружных клириков, не угонять скот у крестьян. Нарушителю грозило отлучение. Тексты этих постановлений вместе с лучшими исследованиями движения собраны в сборнике Томаса Хеда и Ричарда Ландеса «Божий мир» (1992).

Рауль Глабер, бургундский монах, оставивший «Пять книг историй», описывает одно из таких собраний около 1033 года. Люди воздевали руки к небу и кричали: «Мир! Мир! Мир!» — словно заключая завет с Богом. Сцена удивительно напоминает клермонское «Так хочет Бог!». В обоих случаях церковь собирала огромную толпу, призывала воинов к покаянию и связывала их клятвой.

С 1020-х годов к Божьему миру, защищавшему определённых людей, прибавилось Божье перемирие, которое запрещало воевать в определённые дни. Синод в Тулуже в Руссильоне в 1027 году запретил сражаться с вечера субботы до утра понедельника. Позже запрет распространили на дни со среды по воскресенье, на Великий пост и Адвент, так что в теории для войны оставалось не так уж много дней в году. Как заметил Герберт Каудри в известной статье «Мир и перемирие Божье в XI веке» (1970), эти правила редко соблюдались буквально, но они приучали сеньоров к мысли, что церковь вправе указывать им, когда воевать.

У движения за мир была и военная сторона. Чтобы заставить нарушителей держать клятву, епископы собирали ополчения. В 1038 году архиепископ Буржа Эмон привёл к присяге всех мужчин старше пятнадцати лет и повёл их на замки непокорных сеньоров; священники

шли впереди с церковными знамёнами. Поначалу ополчение брало крепость за крепостью, но на реке Шер его разгромил сеньор Деоля по имени Эд. Монах Андрей из Флёри, рассказавший эту историю в «Чудесах святого Бенедикта», пишет о тысячах погибших; цифра, скорее всего, преувеличена.

Божий мир повлиял на будущий поход сразу в трёх отношениях. Он приучил сеньоров к тому, что церковь может указывать им, против кого и когда воевать. Он создал образец массового церковного собрания с клятвой, который Урбан II повторит в Клермоне: не случайно первый канон собора 1095 года подтверждал Божий мир. И он поставил вопрос, на который поход даст ответ: если рыцарям запрещено воевать с христианами у себя дома, куда направить их воинственность? Фульхерий Шартрский вложит в уста Урбана именно такой призыв: пусть те, кто прежде был разбойником, станут воинами Христа.

Есть ещё одна нить, без которой трудно понять настроение людей, отправившихся в Иерусалим. Это ожидание конца света. Христианство с самого начала жило с надеждой на второе пришествие Христа, а Откровение Иоанна Богослова рисовало картину последних времён: войну, мор, явление Антихриста, тысячелетнее царство святых и Страшный суд. Учёные богословы, начиная с Августина, учили, что эти образы нельзя понимать буквально и что дня и часа не знает никто. Но простые люди, да и многие клирики, читали знамения времени куда прямее.

Долгое время историки спорили о так называемых «ужасах тысячного года». Романтики XIX века рисовали толпы, ожидающие гибели мира в ночь на 1 января 1000 года. Позже эту картину справедливо высмеяли: никаких массовых паник источники не описывают, а большинство людей вряд ли знало, какой сейчас год от Рождества Христова. Американский историк Ричард Ландес в книге о хронисте Адемаре Шабанском (1995) и в ряде статей показал, что истина лежит посередине. Тревожное ожидание было, но оно приходилось не на одну дату, а растекалось по десятилетиям вокруг 1000 и 1033 годов, тысячелетия Рождества и тысячелетия Страстей Христовых.

Рауль Глабер, бургундский монах, о котором уже шла речь, писал свою историю именно в таком настроении. Он собирает знамения: кометы, голод, землетрясения, появление ересей, пожары в церквях. Голод 1032–1033 годов он описывает в таких красках, что этот рассказ до сих пор цитируют все историки: люди ели траву и коренья, а потом, пишет Глабер, дошло и до людоедства. Но у него же есть и светлая сторона. После голода, рассказывает он, по всему миру начали обновлять церкви, «словно мир, сбросив ветхость, облачался в белые одежды храмов», а к Гробу Господню двинулись бесчисленные толпы паломников. Многие из них, замечает Глабер, верили, что это предвещает приход Антихриста и конец мира.

Иерусалим занимал в этих ожиданиях совершенно особое место. Согласно распространённому пророчеству, восходящему к позднеантичным текстам, в последние времена явится Последний император. Он объединит христиан, победит их врагов, придёт в Иерусалим и положит свою корону на Голгофе, после чего начнётся царство Антихриста и второе пришествие. Этот сюжет был хорошо известен на Западе, в частности по сочинению монаха Адсона «О рождении и времени Антихриста», написанному в X веке для французской королевы Герберги. Бернард Макгинн в книге «Видения конца» (1979) собрал и перевёл эти тексты.

Из пророчества следовало, что к концу времён Иерусалим должен снова оказаться в руках христиан. Именно эту мысль Гвиберт Ножанский позднее вложит в уста Урбана II. А некоторые вожди народных отрядов, как увидим, сами будут считать себя избранниками, о которых говорили пророчества.

Джей Рубенстайн в книге «Небесные воинства» (2011) настаивает на том, что апокалиптические ожидания были для участников Первого крестового похода не случайной примесью, а одной из главных движущих сил. С ним согласны не все: многие историки считают, что большинство рыцарей думало прежде всего о собственном спасении, а не о конце мира. Но и они

признают, что без этого фона трудно объяснить ту лёгкость, с которой люди верили в небесные письма, видения и знамения, сопровождавшие поход на каждом шагу.

Параллельно с учением богословов складывался другой, народный образ святости с оружием в руках. В его центре стояли святые воины, которых почитали и на Западе, и на Востоке: Георгий, Димитрий, Феодор, Маврикий, архангел Михаил. По житиям, большинство из них были римскими солдатами, принявшими мученическую смерть за веру, то есть святыми именно как мученики. Но, как показывает Кристофер Уолтер в книге «Святые воины в византийском искусстве и традиции» (2003), на иконах и рельефах их всё чаще изображали в доспехах и верхом. Пройдёт совсем немного времени, и участники похода увидят этих святых воинов в бою под Антиохией.

На Западе появились и святые из среды мирян. Около 930 года аббат Клюни Одон написал житие Геральда Орильякского — сеньора, который не ушёл в монастырь, а прожил святую жизнь в миру. Геральд воевал, но только защищая слабых и церковь, и, по словам Одона, даже велел своим людям бить врага обухом меча или древком копья. Сцена кажется наивной, но мысль понятна: рыцарь может быть святым, если служит правому делу. Английский перевод жития вошёл в сборник Томаса Нобла и Томаса Хеда «Воины Христовы» (1995).

Тогда же церковь начала благословлять оружие. В литургических книгах X–XI веков появились молитвы над мечом и знаменем; меч предназначался «для защиты церквей, вдов и сирот». Из таких обрядов, как показал Жан Флори, позже выросла церемония посвящения в рыцари.

Вторая нить — паломничество. Паломник давал обет, получал в церкви посох и суму и на время пути находился под защитой церкви: его имущество и семью трогать было нельзя. Джонатан Сампшен в книге «Паломничество» (1975) и Джеймс Брандедж в книге «Средневековое каноническое право и крестоносец» (1969) показали, что почти всё это перешло в крестовый поход без изменений. Участники Первого похода в письмах домой называли себя паломниками (peregrini), а своё предприятие паломничеством, и это была не метафора. Разница была в одном: паломник XI века шёл без оружия или носил его только для защиты в дороге, а для крестоносца война стала частью обета.

Римские папы столкнулись с войной раньше других епископов Запада. В 846 году арабские отряды из Северной Африки разграбили базилики святого Петра и святого Павла за стенами Рима; об этом рассказывает «Книга понтификов». Папа Лев IV (847–855) окружил Ватиканский холм стеной и, если верить приписываемому ему письму, подлинность которого оспаривается, обещал небесную награду тем, кто погибнет, защищая «истину веры и христианское отечество». Похожие слова повторил в 878 году папа Иоанн VIII: франкским епископам он ответил, что павшие в бою с «язычниками и неверными» получат прощение грехов, если умрут с покаянием.

Долгое время такие заявления оставались единичными ответами на конкретную угрозу. Всё изменилось в середине XI века, когда папство возглавили реформаторы. Им нужна была военная сила против римской знати, против норманнов, а затем и против императора. Английский историк Ян Робинсон в книге «Папство, 1073–1198» (1990) подробно показывает, как Рим постепенно обзаводился собственными воинами.

Лев IX в 1053 году сам повёл войско на норманнов и потерпел поражение при Чивитате; павших в этой битве его сторонники стали почитать как мучеников. Преемники Льва выбрали более осторожный путь. Они дарили светским сеньорам «знамя святого Петра» (vexillum sancti Petri) в знак того, что их война ведётся с благословения апостола. Такое знамя получили вождь миланских реформаторов Эрлембальд, норманны в Италии и, по словам хронистов, Вильгельм Завоеватель.

Дальше всех пошёл Григорий VII (1073–1085). Он создавал сеть светских союзников, присягнувших служить Риму, и называл их «воинством святого Петра» (militia sancti Petri). В

1074 году, через три года после Манцикерта, Григорий разослал письма с призывом помочь христианам Востока, а в письме германскому королю Генриху IV сообщал, что готов сам повести войско из пятидесяти тысяч добровольцев и дойти «до Гроба Господня». Этот замысел подробно разобран в биографии Григория, написанной Каудри (1998).

Поход не состоялся: вскоре началась война папы с Генрихом IV, и все силы ушли на неё. Зато сама эта борьба породила целую литературу о войне за церковь. Сторонник Григория Ансельм Луккский около 1083 года составил собрание канонов, куда включил тексты Августина и других отцов церкви, оправдывающие принуждение и войну против врагов церкви. Робинсон в статье «Григорий VII и воины Христовы» (1973) считает, что к концу 1080-х годов богословская основа для крестового похода была готова.

Наследником этой традиции стал Урбан II, бывший соратник Григория. Немецкий историк Альфонс Беккер, автор многотомной биографии Урбана, подчёркивает, что новый папа сделал то, чего не удалось его учителю: направил идею папской священной войны против внешнего врага и не стал сам возглавлять войско.

За полвека до Клермона латинские рыцари уже воевали с мусульманами на трёх рубежах Средиземноморья. Эти войны иногда называют «протокрестовыми походами», хотя многие историки считают такое название натяжкой.

Войско французских, нормандских и каталонских рыцарей осадило и взяло город Барбастро в Арагоне. Победители устроили резню и захватили огромную добычу; мусульманский историк Ибн Хайян и монах Амат из Монтекассино одинаково описывают жестокость штурма. Через год мусульмане вернули город. Примерно тогда же папа Александр II написал духовенству Вольтурно, что снимает покаяние с тех, кто идёт воевать в Испанию. К какому именно походу относится письмо, неясно. Эрдман видел в Барбастро настоящий крестовый поход до крестовых походов, но испанский историк Альберто Феррейро в статье 1983 года убедительно показал, что для такого вывода источников недостаточно.

Нормандское завоевание острова растянулось на тридцать лет. По словам Гауфреда Малатерры, после победы при Черами в 1063 году папа прислал Рожеру знамя и отпущение грехов его воинам. В жизни всё было сложнее: Рожер воевал с одними мусульманскими эмирами в союзе с другими, а потом набирал мусульман в своё войско и оставил им свободу веры. Эту двойственность хорошо показал Алекс Меткалф в книге «Мусульмане средневековой Италии» (2009).

О набеге пизанцев и генуэзцев на столицу Зиридов уже говорилось в первой главе. Добавим, что, кроме священной войны, воспетой пизанским поэтом, здесь была и вполне земная выгода: по мирному договору, о котором сообщает Ибн аль-Асир, итальянцы получили торговые привилегии. Дэвид Абулафия в книге «Великое море» (2011) считает подобное сочетание благочестия и коммерции типичным для итальянских морских республик.

Во всех трёх случаях видны части будущего крестового похода: папское благословение, обещание духовной награды, враг другой веры, смесь благочестия и расчёта. Но ни одна из этих войн не была массовым движением со всего Запада, и ни одна не имела целью Иерусалим.

Почти всё, что мы до сих пор говорили об идее священной войны, известно по церковным текстам: письмам пап, постановлениям соборов, трактатам богословов. Но как думали об этом сами рыцари? Лучший ответ даёт литература, которую они слушали, и прежде всего старофранцузская «Песнь о Роланде».

Древнейшая её рукопись, хранящаяся в Оксфорде, датируется второй четвертью XII века, а сам текст в известном нам виде сложился, по мнению большинства исследователей, около 1100 года, то есть в годы Первого крестового похода или незадолго до него. Но сюжет поэмы гораздо старше. Он восходит к реальному событию 778 года: тогда арьергард войска Карла Великого, возвращавшегося из похода в Испанию, был уничтожен в Ронсевальском ущелье в Пиренеях. Историк Эйнхард, биограф Карла, называет среди погибших «Хруодланда,

префекта Бретонской марки». На франков тогда напали баски, христиане. Но за три столетия память превратила стычку с горцами в эпическую битву христиан с сарацинами.

В поэме Роланд, племянник Карла, со своим другом Оливье и двенадцатью пэрами прикрывает отход войска и гибнет в неравном бою с огромной армией язычников. Рядом с ним сражается архиепископ Турпен, который и благословляет воинов, и сам рубит врагов. Перед битвой он обещает им: если вы погибнете, то станете святыми мучениками и займёте места в великом раю. Это почти дословно то, что через несколько лет будут говорить проповедники крестового похода.

Мир поэмы предельно ясен. «Язычники неправы, а христиане правы», говорит Роланд, и эта строка стала своего рода девизом всей поэмы. Сарацины в ней изображены как многобожники, поклоняющиеся Магомету, Аполлону и Терваганту. Это, разумеется, полная фантазия: никаких идолов мусульмане не почитали. Джон Толан, о книге которого говорилось в первой главе, показал, как такие представления складывались в западной литературе и как мало они имели общего с действительностью. При этом враги в поэме не лишены благородства. Об одном из сарацинских эмиров сказано, что, будь он христианином, это был бы славный барон. Позднее автор «Деяний франков» напишет похожие слова о тюрках после битвы при Дорилее.

Роланд воюет не только за веру. Он сражается за «милую Францию», за своего государя Карла, за честь рода и собственную славу. Он отказывается трубить в рог, чтобы позвать на помощь, потому что боится прослыть трусом, и из-за этого гибнет вместе со всеми. Вассальная верность, рыцарская гордость и христианское благочестие сплетены в поэме так тесно, что их невозможно разделить. Точно так же они были сплетены и в душах тех, кто через несколько лет отправится в Иерусалим.

Средневековое учение о допустимой войне не было готовым сводом правил, который рыцарь мог открыть перед походом. Оно складывалось из библейских толкований, проповедей, решений соборов, покаянных книг и конкретных ответов духовников. В одном тексте подчёркивалось милосердие к побеждённому, в другом — обязанность защищать церковь, вдов и сирот, в третьем обсуждалось наказание за убийство. Между богословской нормой и военной практикой оставалось большое расстояние. Сеньор мог искренне считать себя защитником монастыря и одновременно разорять владения соседнего аббатства. Церковь осуждала частную месть, однако нуждалась в вооружённых покровителях. Поэтому путь к идее крестового похода состоял не в простой замене мира войной, а в попытке подчинить привычное насилие иной цели, поставить его под церковный надзор и превратить службу с оружием в форму покаяния.

Особую роль играла клятва. В обществе, где письменный договор был доступен не всем, произнесённое перед алтарём обещание связывало человека не только с другими людьми, но и с Богом. Нарушение клятвы грозило потерей чести и спасения. Участник движения Божьего мира обещал не нападать на безоружных, вассал клялся служить сеньору, паломник давал обет дойти до святыни. Когда будущие крестоносцы принимали крест, эти традиции соединились. Знак, нашитый на одежду, делал внутреннее решение видимым для всей общины. Отказ от пути после этого воспринимался не как изменение плана, а как нарушение обета. Родственники, соседи и духовник становились свидетелями, а имущество отправившегося получало особую защиту. Так личное благочестие превращалось в устойчивое общественное обязательство.

Проповедь обращалась не к отвлечённому воинскому сословию, а к людям, привыкшим слушать истории о святых и героях. Жития рассказывали о мучениках, которые предпочли смерть отречению, эпические песни прославляли верность государю и товарищам, монастырские хроники описывали наказание гордых и спасение раскаявшихся. Из этих сюжетов складывался язык, на котором можно было объяснить далёкий поход. Иерусалим становился одновременно реальным городом и сценой Священного Писания; дорога к нему — паломничеством и испытанием; гибель в пути — возможным свидетельством веры. Проповеднику не требова-

лось изобретать все образы заново. Он соединял знакомые мотивы и направлял их к одной цели. Новизна заключалась в масштабе обещания: вооружённое путешествие объявлялось не препятствием для покаяния, а его исполнением.

Для семьи решение рыцаря уйти на Восток могло быть тяжелее, чем для него самого. Поход требовал денег, а значит, продажи или залога земли, досрочного взыскания долгов, соглашений с братьями и наследниками. Жена оставалась управлять хозяйством, вести споры с соседями и отвечать за детей. Монастырь или епископ нередко выступал хранителем документов и посредником. Грамоты, составленные перед отъездом, показывают, что религиозный порыв сопровождался долгими переговорами. Люди уточняли, кто получит владение в случае смерти, кто выплатит долг и кому достанется право опеки. Эта бумажная сторона похода не уменьшает силу веры. Напротив, она показывает серьёзность обета: участник готовился к тому, что не вернётся, и старался оставить после себя порядок.

Папство получило возможность направить воинственность знати, но не могло полностью ею распоряжаться. После проповеди движение быстро выходило за пределы первоначального замысла. Слухи передавались от города к городу, местные священники добавляли собственные толкования, а миряне выбирали из услышанного то, что отвечало их надеждам. Для одного главным было прощение грехов, для другого — освобождение Гроба Господня, для третьего — возможность начать жизнь заново. В толпе могли соседствовать благочестивый паломник, должник, бегущий от обязательств, искатель приключений и человек, увлечённый соседями. Именно поэтому церковные власти одновременно поддерживали поход и пытались ограничить его: запрещали уходить монахам без разрешения, предостерегали больных и следили, чтобы обет не становился оправданием обычного грабежа.

Был ли «Роланд» источником идеи крестового похода или, наоборот, её отражением, сказать трудно. Скорее всего, верно и то и другое: поэма и поход выросли из одной почвы. Но по ней видно, что к концу XI века мысль о войне с неверными как о деле святом и почётном была понятна не только папам и богословам, но и рыцарям в замковых залах, где жонглёры пели о Роланде. Русский читатель может прочесть поэму в стихотворном переводе Юрия Корнеева.

К 1090-м годам все нити, о которых шла речь, уже существовали. Эрдман в 1935 году показал, что идея священной войны сложилась за полвека до Клермона. Почему же собор 1095 года стал событием, а не очередным церковным собранием?

Урбан II соединил старое в нечто новое. Сравним, что было до него и что предложил он.

Что было до 1095 года
Что предложил Урбан II

Паломничество без оружия
Паломничество, соединённое с войной

Снятие части покаяния для отдельных войск
Поход заменяет «всякое покаяние» для каждого участника

Знамя святого Петра для одного сеньора
Крест на одежде каждого участника

Местные войны в Италии, Испании, Африке
Общая цель для всего Запада: Иерусалим

Война по приказу господина
Личный обет, нарушение которого грозит отлучением

Церковная защита паломника и его имущества
Та же защита для семьи и земель крестоносца

Главным новым словом был Иерусалим. Именно он превратил военную помощь Византии в цель, ради которой крестьянин из Шампани или рыцарь из Лотарингии готов был продать землю и уйти на три года за три тысячи километров. Маркус Булл в статье «Корни мирского энтузиазма» (1993) и Райли-Смит в книге «Первые крестоносцы» (1997) показывают по грамотам, как люди закладывали и продавали имения, чтобы собраться в путь. Помогать чужому императору захотели бы немногие. Освобождать Гроб Господень пошли десятки тысяч.

И ещё одно. До 1095 года священная война была делом сеньоров и их дружин. Урбан обращался к рыцарям, но услышали его все: крестьяне, горожане, женщины, старики, монахи. Осенью 1096 года в письмах жителям Болоньи и монахам Валломброзы папа пытался ограничить этот поток, но безуспешно. Весной 1096 года по дорогам Европы двинулись толпы, которых никто не планировал. Но прежде чем рассказать о них, нужно вернуться на Восток и посмотреть, что там произошло после 1071 года.

Глава 3. Сельджуки, Манцикерт и просьба Алексея I Комнина

В пятницу 26 августа 1071 года на равнине к северу от озера Ван встретились две армии. Одну вёл византийский император Роман IV Диоген, другую сельджукский султан Алп-Арслан. Рядом стояла крепость Манцикерт, нынешний Малазгирт на востоке Турции. Мало какая битва в истории Византии вспоминается так часто. В Турции её годовщину отмечают как начало тюркской Анатолии, и Кэрол Хилленбранд посвятила целую книгу, «Тюркский миф и мусульманский символ» (2007), тому, как память о Манцикерте менялась от средневековых хроник до школьных учебников XX века.

Роман IV происходил из провинциальной военной знати и был опытным полководцем. Трон он получил в 1068 году, женившись на вдове императора Константина X Дуки, и могущественный столичный клан Дук его так и не принял. Михаил Пселл, придворный философ и друг Дук, пишет о нём в «Хронографии» с плохо скрытой неприязнью. Три года Роман пытался остановить тюркские набеги на восточные провинции, а весной 1071 года выступил в большой поход. В его войске шли ромеи, армяне, западные наёмники, печенеги и тюрки-узы. Численность армии неизвестна. Современные оценки колеблются от сорока до семидесяти тысяч, и французский византинист Жан-Клод Шене в статье с говорящим названием «Манцикерт: военная катастрофа?» (1980) показал, что поражение было куда менее кровавым, чем принято думать.

Алп-Арслан в это время шёл на фатимидскую Сирию и стоял под Алеппо. Большая война с Византией не входила в его планы. Узнав о походе Романа, он спешно повернул на север. Ибн аль-Асир, иракский историк начала XIII века, рассказывает, что накануне битвы султан предложил мир, а император ответил отказом.

Ход сражения мы знаем прежде всего от Михаила Атталиата, судьи и чиновника, который сам был при войске. Его «История» в 2012 году вышла в английском переводе Антония Калделлиса и Димитриса Краллиса. Весь день тюркские конные лучники отходили перед византийским строем, обстреливали его и уклонялись от рукопашной. К вечеру Роман велел поворачивать к лагерю. В сумерках поворот приняли за бегство. Командир резерва Андроник Дука, племянник покойного императора, на помощь не пришёл и увёл свои отряды с поля. Атталиат прямо называет это изменой. Правда, сам он был врагом Дук, и Краллис в отдельной книге о нём советует читать это обвинение с поправкой на пристрастность автора. Тюрки развернулись и ударили. Раненный в руку император сражался до последнего и попал в плен.

Дальнейшее удивило современников по обе стороны фронта. И византийские, и мусульманские авторы сходятся в том, что Алп-Арслан обошёлся с пленником почтительно. Он посадил Романа за свой стол, а примерно через неделю отпустил, заключив договор о выкупе, ежегодной дани и передаче нескольких пограничных крепостей. Условия в разных источниках расходятся, и Александр Байхаммер в книге «Византия и возникновение мусульманско-тюркской Анатолии» (2017) подробно их сравнивает. Султану нужен был спокойный север, чтобы вернуться к главной цели, Египту. Завоёвывать Анатолию он не собирался. Эндрю Пикок в истории Великих Сельджуков (2015) подчёркивает, что набеги туркмен на византийские земли часто шли вовсе не по приказу султана, а вопреки ему.

Сами по себе военные потери при Манцикерте были тяжёлыми, но поправимыми. Большая часть армии отступила в порядке. Империя теряла армии и раньше и всякий раз приходила в себя. Катастрофой эту битву сделали события следующих десяти лет.

История Манцикерта начинается за полвека до битвы, далеко на востоке, в степях между Аральским морем и Сырдарьёй. Здесь в X веке кочевали огузы, тюркоязычные племена, кото-

рых арабские авторы называли туркменами. Одним из их вождей был Сельджук, по имени которого и названа династия. Около конца X века его род принял ислам суннитского толка. Обращение, по-видимому, было вполне искренним, и, как показывает Эндрю Пикок в «Ранней истории сельджуков», упомянутой в первой главе, именно оно открыло тюркам дорогу на службу к мусульманским правителям Средней Азии.

Внуки Сельджука, братья Тогрул-бек и Чагры-бек, повели свои кочевья на юг, в Хорасан. Как уже говорилось в первой главе, в 1040 году они разбили Газневидов при Данданакане, а в 1055 году Тогрул вошёл в Багдад. Аббасидский халиф, больше века остававшийся в руках шиитских эмиров из рода Буидов, встретил его как защитника суннитского ислама и позже торжественно провозгласил «царём Востока и Запада».

Так возникла держава, которую историки называют Великим Сельджукским султанатом. Она соединила под одной властью Иран, Ирак и Среднюю Азию, а позже Сирию и часть Анатолии. Пикок в книге «Великая сельджукская империя» (2015) подчёркивает её двойственный характер. Наверху стоял тюркский военный род со своими степными обычаями: власть считалась достоянием всей семьи, и после смерти каждого султана братья и сыновья начинали борьбу за наследство. А управляли страной персидские чиновники, продолжавшие старые традиции иранской бюрократии. Великий везир Низам аль-Мульк, о котором ещё пойдёт речь, был именно таким человеком.

Для Византии важнее всего было то, что сельджукская держава не была единым войском, подчинённым султану. Вместе с ней на запад двигались туркменские кочевники, которым в Иране и Ираке не хватало пастбищ. Султаны охотно направляли их на окраины, подальше от оседлых земель, а самой удобной окраиной оказалась христианская Армения и византийская Анатолия. С 1040-х годов туркменские отряды ежегодно вторгались в восточные провинции империи, грабили, угоняли скот и пленных и уходили. В 1048 году они разорили армянский торговый город Арцн, в 1064 году Алп-Арслан взял древнюю армянскую столицу Ани, а в 1067 году тюрки дошли до Кесарии Каппадокийской и разграбили её главную святыню, церковь святого Василия Великого. Армянский историк Аристакес Ластивертци, современник этих событий, оплакивает разорение родной земли в книге, которую можно прочесть по-русски в переводе Карена Юзбашяна.

Византия поначалу не понимала, с чем столкнулась. Империя веками воевала с арабами на восточной границе и привыкла к набегам. Но набеги арабских эмиров были делом определённых сезонов и определённых путей, и на них можно было ответить ответным походом. Туркмены же не имели городов, которые можно было бы взять, и армий, которые можно было бы разбить в решающем сражении. Они просачивались в долины, как вода. Хуже того, именно в эти годы империя ослабила свою восточную оборону. Армянские княжества, служившие буфером, были присоединены и лишились своих войск, а местные ополчения, как пишут византийские авторы, распускались ради экономии.

Алп-Арслан, сменивший Тогрула в 1063 году, был прежде всего воином. Его главной целью, как и целью всей династии, оставался фатимидский Египет, соперник в борьбе за первенство в исламском мире. Анатолия интересовала его гораздо меньше. Но когда император Роман IV сам выступил против него с огромной армией, уклониться от боя султан не мог. Так две армии встретились 26 августа 1071 года.

Пока Роман был в плену, в Константинополе его низложили. Императором провозгласили его пасынка Михаила VII Дуку, а правил за него дядя, кесарь Иоанн Дука. Вернувшийся Роман попытался отстоять трон, был разбит и сдался под обещание неприкосновенности. Летом 1072 года его ослепили, и вскоре он умер от заражения. Договор с Алп-Арсланом потерял силу, и у тюрок появился законный повод возобновить набеги.

Михаил VII учился у Пселла и больше любил книги, чем дела. В народе его прозвали Парапинаком, «без четверти»: при нём на золотую монету покупали на четверть меньше зерна,

чем прежде. Об этом прозвище рассказывают продолжатель хроники Иоанна Скилицы и Иоанн Зонара. Провинциальные полководцы один за другим поднимали мятежи, и почти каждый звал на помощь тюрок. Шене в книге «Власть и её противники в Византии (963–1210)» (1990) насчитал за эти годы десятки выступлений против центральной власти. Вот самые важные из них.

Годы	**Мятежник**	**Чем закончилось**
1073–1075	Руссель де Байоль, нормандский наёмник	Создал своё владение в Анатолии; схвачен с помощью тюрок молодым Алексеем Комнином
1077–1078	Никифор Вриенний	Разбит Алексеем Комнином и ослеплён
1078	Никифор Вотаниат	С тюркскими отрядами занял столицу и стал императором
1080–1081	Никифор Мелиссин	Открыл тюркам города Вифинии, по всей видимости и Никею

Тюрки входили в анатолийские города чаще как гарнизоны того или иного претендента, чем как завоеватели. И оставались там, кто бы из претендентов ни победил. К началу 1080-х годов сельджукский принц Сулейман ибн Куталмыш, дальний родственник султана, сделал своей столицей Никею. Когда именно это произошло, спорят до сих пор: французский востоковед Клод Каэн в классической книге «Доосманская Турция» (1968) и Байхаммер предлагают даты от середины 1070-х до 1081 года. Так возникло государство, которое потом назовут Румским султанатом, то есть «римским», по имени бывших римских земель. В 1084–1085 годах Сулейман взял и Антиохию, о чём сообщают и Анна Комнина, и Ибн аль-Асир.

На юго-востоке Анатолии всё сложилось иначе. Армянский полководец на византийской службе Филарет Врахамий создал там почти независимое владение, протянувшееся от Киликии до Эдессы. Армянский хронист Матфей Эдесский, писавший в первой половине XII века, оставил о Филарете самые резкие отзывы. После падения Филарета в середине 1080-х годов на этих землях остались армянские князья и городские правители. Французский арменист Жерар Дедеян в двухтомном труде «Армяне между греками, мусульманами и крестоносцами» (2003) показал, как этот армянский мир станет посредником между Востоком и пришельцами с Запада. Через десять лет именно с этими людьми встретятся крестоносцы, и один из них, Торос Эдесский, усыновит Балдуина Булонского, о чём речь пойдёт в главе 7.

К 1081 году империя удерживала в Анатолии лишь отдельные крепости и побережье. За десять лет она лишилась главного источника солдат и налогов, причём не столько из-за одной проигранной битвы, сколько из-за того, что её собственная знать дралась за трон. Антоний Калделлис в книге «Потоки золота, реки крови» (2017) называет эти годы самым тяжёлым кризисом империи за несколько столетий.

1 апреля 1081 года в Константинополь вошли войска очередного претендента. Им был двадцатичетырёхлетний полководец Алексей Комнин, племянник императора Исаака I. Его солдаты три дня грабили столицу, и новый император потом сорок дней носил церковное покаяние за этот грабёж. Тогда никто не мог знать, что Алексей процарствует тридцать семь лет и оставит династию, которая вытащит империю из пропасти.

Алексея мы знаем лучше любого другого императора той эпохи, и обязаны этим его дочери. Анна Комнина написала об отце «Алексиаду», историю в пятнадцати книгах. Работать над ней она начала после смерти мужа, историка Никифора Вриенния, в 1137 или 1138 году и закончила, вероятно, в конце 1140-х годов. Анну часто называют первой женщиной-историком Европы, чьё сочинение дошло до нас целиком. На русском языке «Алексиада» есть в переводе Якова Любарского (1965). Анна любила отца, и её книга во многом панегирик. Но она была прекрасно образована, читала документы и цитировала их. Американская исследовательница Леонора Невилл в книге «Анна Комнина: жизнь и труд средневекового историка» (2016) показала, как тщательно Анна выстраивала свой образ беспристрастного свидетеля. Для истории Первого крестового похода «Алексиада» остаётся единственным подробным взглядом с византийской стороны.

В первые же месяцы Алексею пришлось воевать не с тюрками, а с норманнами. Роберт Гвискард, завоеватель Южной Италии, решил перенести войну на Балканы. В мае 1081 года он высадился в Эпире и осадил Диррахий, нынешний Дуррес в Албании, где начиналась древняя дорога на Константинополь. В октябре Алексей привёл под Диррахий армию и был разбит. Варяжская стража, в которой после 1066 года служило много англосаксов, бежавших от нормандского завоевания, кинулась на норманнов с секирами, оторвалась от основных сил и полегла почти целиком. Джонатан Шепард в статье «Англичане и Византия» (1973) собрал всё, что известно об этих эмигрантах. Сам император едва ушёл от погони, и Анна описывает его бегство с подробностями приключенческого романа.

Выручили Алексея не мечи, а деньги и дипломатия. Он оплатил восстание против Роберта в Италии и уговорил германского императора Генриха IV ударить по Риму, союзнику норманнов. Анна приводит в «Алексиаде» текст письма отца к Генриху. Главное же, Алексей привлёк на свою сторону венецианский флот. Взамен Венеция получила золотую грамоту, хрисовул, с правом беспошлинной торговли по всей империи и собственным кварталом в столице. Дату грамоты историки спорят, 1082 год или 1092-й, и Питер Франкопан в статье 2004 года отстаивает вторую. Дональд Никол в книге «Византия и Венеция» (1988) показал, что именно с этой сделки началось венецианское господство в Восточном Средиземноморье. Через сто двадцать лет оно обернётся для империи Четвёртым крестовым походом.

Пока Роберт усмирял Италию, на Балканах воевал его сын Боэмунд. В 1082–1083 годах он дважды разбил Алексея и дошёл до Фессалии. Под Ларисой император наконец нашёл способ справиться с нормандской конницей: выманить её в атаку и тем временем ударить по лагерю. Довершило дело невыплаченное жалованье, и войско Боэмунда разошлось. В 1085 году Роберт Гвискард умер во время нового похода, и нормандская угроза на время отступила. Историю нормандской Италии подробно изложил Грэм Лауд в книге «Эпоха Роберта Гвискарда» (2000).

Из этой войны Алексей и Анна вынесли твёрдое убеждение, что Боэмунд опаснее всех «кельтов». Так византийские авторы, по давней привычке к античным названиям, звали западных рыцарей; реже Анна пишет «латиняне» или «франки». Когда в 1097 году Боэмунд снова появится у Константинополя, уже крестоносцем, император будет хорошо помнить Диррахий и Ларису. ## Как Алексей перестроил империю

Война с норманнами показала Алексею, что старая империя, какой её оставил Василий II, больше не существует. Казна была пуста, армия состояла из наёмников, провинции на востоке

потеряны. Чтобы выжить, новому императору пришлось перестроить государство, и сделал он это так, что его порядки продержались целое столетие.

Первое, на что он опёрся, была семья. Алексей пришёл к власти при поддержке собственного рода и родни своей жены Ирины Дукены, и именно родственникам он раздал высшие должности и новые титулы. Старший брат Исаак получил почти равный императорскому титул севастократора, зять Никифор Мелиссин стал кесарем. Управление гражданскими делами Алексей, уходя в походы, доверил матери, Анне Далассине. Сохранилась золотая грамота 1081 года, в которой император передаёт ей полную власть и объявляет, что её распоряжения имеют силу его собственных. Анна Комнина с восхищением пишет о бабушке как об умнейшей женщине своего времени. Историки, и среди них Пол Магдалино в книге «Империя Мануила I Комнина» (1993), описывают созданную Алексеем систему как своего рода семейное предприятие: империя управлялась как владение большого аристократического рода.

Вторым делом были деньги. Ещё при предшественниках Алексея золотая монета, номисма, стремительно теряла вес и чистоту металла: к 1080-м годам в ней оставалось лишь около десятой части золота. Купцы перестали ей доверять, а налоги собирались в обесцененной монете. Около 1092 года Алексей провёл денежную реформу. Он ввёл новую золотую монету, иперпир, то есть «многократно очищенный», и выстроил вокруг неё систему разменных монет из сплава золота с серебром, из серебра с медью и из меди. Нумизматы, начиная с Филипа Грирсона, высоко оценивают эту реформу: иперпир держался почти два века и стал образцом для соседей.

Третьим делом была армия. Старые фемные войска, набиравшиеся из местных землевладельцев, почти исчезли. Алексей опирался на наёмников: варягов, англосаксов, франков, печенегов и тюрок, а также на отряды знатных родственников. Особенно он ценил западную тяжёлую конницу и умел ею пользоваться. При нём начала складываться и новая система содержания войска, при которой воин или вельможа получал право собирать налоги с определённой земли в обмен на службу. Позже эту систему назовут пронией, и историки до сих пор спорят, насколько она напоминала западный феод.

Наконец, Алексей опирался на церковь, но держал её в повиновении. Чтобы расплатиться с войском в первые отчаянные годы, он велел переплавить часть церковной утвари, и это вызвало резкий протест митрополита Халкидонского Льва. Император в конце концов признал, что поступил неправильно, и обещал вернуть церкви её ценности. Зато позже он прославился как ревнитель православия. В 1082 году был осуждён философ Иоанн Итал, ученик Пселла, обвинённый в том, что он ставил Платона выше Писания, а около 1100 года по приказу императора сожгли вождя богомилов, еретического движения, распространённого на Балканах. Анна описывает эту казнь с явным одобрением.

Каким человеком был сам Алексей? Анна рисует его невысоким, но широкоплечим, с властным взглядом и неторопливой речью. Он был набожен, трудолюбив, неутомим в походах, умел терпеть неудачи и никогда не терял самообладания. Западные хронисты видели в нём хитреца и лжеца. Истина, вероятно, в том, что Алексей был прежде всего прагматиком. Он не мог позволить себе ни героических поражений, ни благородных жестов, которые ничего не давали империи. Каждую битву, каждый договор и каждый подарок он оценивал по одному критерию: помогает ли это выжить. Именно таким он и встретит крестоносцев.

Едва ушли норманны, с севера надвинулась новая беда. Печенеги, тюркские кочевники из степей между Днепром и Дунаем, давно знакомые и Византии, и Руси, с 1080-х годов стали переходить Дунай и разорять Фракию. В 1087 году они разбили Алексея при Дристре, и император снова едва спасся. Следующие три года печенежские орды кочевали по европейским провинциям империи, а зимой 1090–1091 годов подошли почти к самой столице. Пол Стефенсон в книге «Балканская граница Византии» (2000) проследил, как эта степная война была связана с политикой империи на Дунае на протяжении целого века.

В те же годы на море появился ещё один противник. Тюркский эмир Чаха, или Чака-бей, в молодости жил пленником при константинопольском дворе и даже получил византийский титул. Вернувшись в Анатолию, он захватил Смирну, с помощью местных греческих моряков построил флот и занял Лесбос и Хиос. Анна Комнина пишет, что Чаха стал величать себя императором и сговаривался с печенегами ударить по столице одновременно с суши и с моря.

Зима 1090–1091 годов стала самым опасным временем всего правления Алексея. Он ждал подмоги и с Запада. По словам Анны, граф Роберт Фландрский, возвращаясь из паломничества в Иерусалим, обещал прислать ему пятьсот рыцарей и сдержал слово. Но спасение пришло из тех же степей. Император договорился с половцами, соседями и соперниками печенегов. «Повесть временных лет» под 1093–1096 годами рассказывает, как тяжело в те же самые годы приходилось от половцев Руси.

29 апреля 1091 года у холма Лебунион на реке Марице византийцы и половцы окружили печенежский лагерь, где были и семьи кочевников. Анна Комнина пишет, что в тот день был уничтожен целый народ вместе с жёнами и детьми, и не скрывает, что ночью после битвы перебили пленных. Солдаты, по её словам, пели: «Из-за одного дня не увидели скифы мая». Здесь есть явное преувеличение: часть печенегов уцелела и была поселена на имперских землях. Но как самостоятельная сила они исчезли. Питер Голден в «Введении в историю тюркских народов» (1992) называет Лебунион концом печенежской истории.

С Чахой Алексей покончил чужими руками. Он написал никейскому султану Килич-Арслану, зятю Чахи, что тесть метит на его место. Около 1093 года Килич-Арслан убил Чаху на пиру. В этой истории хорошо виден метод Алексея: стравливать противников друг с другом и беречь собственную армию. Тот же метод он применит и к крестоносцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.